

Содержание

От автора 9

ЧАСТЬ I. Стратфорд-на-Эйвоне 11

Глава 1. В тот день звезда отплясывала в небе,
Под нею мне родиться довелось 13

Глава 2. В ней — суть моя 16

Глава 3. Художество ты любишь? Вот картина 19

Глава 4. Ведь для меня, где ты — там целый мир 22

Глава 5. Отвечай: кто тебя родил? 28

Глава 6. Мать остроумна, сын лишен ума 40

Глава 7. Но это — почтенное общество 46

Глава 8. Я, как репейник, прицепляюсь крепко 53

Глава 9. Этот паренек прославит нашу землю 56

Глава 10. Что видишь там? 61

Глава 11. Я вызываю голоса былого 65

Глава 12. Отравленные, жгучие слова 69

Глава 13. Хорошего здесь мало 79

Глава 14. Нрав деятельный, легкий и веселый. 84

Глава 15. Приказывайте, я к услугам вашим... 91

Глава 16. ...Не спешите меня узнать, — я сам себя не знаю. 97

Глава 17. Днем могу даже церковь разглядеть 101

ЧАСТЬ II. «Слуги Ее Величества королевы» 109

Глава 18. Скажу я прямо: спать с тобой хочу. 111

Глава 19. А здесь — путь мой 115

ЧАСТЬ III. «Слуги лорда Стрейнджа»	121
<i>Глава 20.</i> Итак, идем на Лондон	123
<i>Глава 21.</i> Дух времени научит быстроге	129
<i>Глава 22.</i> Немало в людных городах Живет зверей и вежливых чудовищ	134
<i>Глава 23.</i> Я к услугам вашей светлости	137
<i>Глава 24.</i> ...Не премину в игре фортуны роль свою сыграть	142
<i>Глава 25.</i> Как в театре, где они глазают и указывают.	146
<i>Глава 26.</i> Наш поединок остроумья	155
<i>Глава 27.</i> Дни юности моей зеленой	165
<i>Глава 28.</i> Я вижу, вас снедает страсть	171
<i>Глава 29.</i> Так почему ж не победить и нынче?	175
<i>Глава 30.</i> О дикое и кровавое зрелище!	184
<i>Глава 31.</i> Не отдохну, не перестану биться	188
ЧАСТЬ IV. «Слуги графа Пембрука»	197
<i>Глава 32.</i> В жужжащей, полной радости толпе.	199
<i>Глава 33.</i> Актеры, ваша милость, свои услуги предлагают вам	204
<i>Глава 34.</i> Поэтому решили: будет кстати Занять вниманье ваше развлеченьем	213
<i>Глава 35.</i> Ушла великая душа. И этого я сам желал	219
<i>Глава 36.</i> В его мозгу — источник новых фраз.	226
ЧАСТЬ V. «Слуги лорд-камергера»	235
<i>Глава 37.</i> Стой, иди, делай всё, что пожелаешь	237
<i>Глава 38.</i> Мы счастливы, нас мало, мы — как братья.	242
<i>Глава 39.</i> Господи, как ты переменялся!	249
<i>Глава 40.</i> Лишь повели, речами очарую.	254
<i>Глава 41.</i> Он восхищает, как чарующая гармония.	260
<i>Глава 42.</i> Словами мир наполнить	265
<i>Глава 43.</i> Смотри, смотри, слились, как в поцелуе	271
<i>Глава 44.</i> Откуда красноречия поток?	277
<i>Глава 45.</i> Я говорю, на стол облокотясь	281
<i>Глава 46.</i> ...В жизни не слыхала Стройней разлада, грома благозвучней!	289
<i>Глава 47.</i> В твоих словах я ощущаю ярость.	293

<i>Глава 48.</i> Хотя мы в тревоге, от забот бледны	302
<i>Глава 49.</i> Ах нет, нет, нет. Единственный мой сын!	308
<i>Глава 50.</i> «Ты что за человек?» — «Я не простого рода»	314
<i>Глава 51.</i> В компании невежд пустых и грубых	318
<i>Глава 52.</i> При вас ли мой сборник загадок?	325
<i>Глава 53.</i> Вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны	333
<i>Глава 54.</i> Короче — всё, что счастьем мы зовем.	341
ЧАСТЬ VI. «Нью-Плейс»	345
<i>Глава 55.</i> Поэтому я из благородного дома	347
<i>Глава 56.</i> Пират награбленным не дорожит	351
<i>Глава 57.</i> Прошу: ни слова больше.	355
<i>Глава 58.</i> Прямой, правдивый, честный дворянин	361
ЧАСТЬ VII. «Глобус»	365
<i>Глава 59.</i> Прекрасен этот план для наших целей	367
<i>Глава 60.</i> Ты знаешь — где живу я: принеси Бумаги и чернил мне	373
<i>Глава 61.</i> На мировой необозримой сцене	377
<i>Глава 62.</i> Теперь пусть звучат трубы.	382
<i>Глава 63.</i> Ты то назвал, чем наша мысль живет	385
<i>Глава 64.</i> Ты видишь: на тебя толпа зевак глазеет	390
<i>Глава 65.</i> Итак, блуждаем мы среди иллюзий	395
<i>Глава 66.</i> О цвет риторики!	400
<i>Глава 67.</i> Ловки вы обе: партия — вничью	407
<i>Глава 68.</i> Здесь верх берет один, а там — другой	411
<i>Глава 69.</i> Придется признать у ночи час или два.	417
<i>Глава 70.</i> Читаю я у них в сердцах	421
<i>Глава 71.</i> Так, умерев, в потомстве будешь жить	423
<i>Глава 72.</i> Друзья, — он молвит, — ждут со мною встречи.	429
<i>Глава 73.</i> Милорд, ведь это только театр, Всего лишь розыгрыш	435
ЧАСТЬ VIII. «Слуги короля».	439
<i>Глава 74.</i> На этот счет он довольно упрям	441
<i>Глава 75.</i> Всё изменилось	445

ШЕКСПИР

<i>Глава 76.</i> Я без прикрас вам изложу всю повесть	454
<i>Глава 77.</i> Что вы сказать хотели этим, сэр?	462
<i>Глава 78.</i> Тончайшее стечение событий	468
<i>Глава 79.</i> Зашел ты далеко	474
<i>Глава 80.</i> Мне памятником будут эти строчки	480
<i>Глава 81.</i> Еще раз тот напев! Он словно замер!	486

ЧАСТЬ IX. «Блэкфрайерз» . . . . .

<i>Глава 82.</i> Как в театре зрителей глаза	493
<i>Глава 83.</i> Под ветром слов отхлынут волны горя	499
<i>Глава 84.</i> О красоте людей времен тех дальних	505
<i>Глава 85.</i> Вот вам загадка: мертвая — жива!	512
<i>Глава 86.</i> А до сих пор, со стороны, Влюбленные лишь были мне смешны	518
<i>Глава 87.</i> Дайте срок, и всё будет в порядке	521
<i>Глава 88.</i> Я этого не заслужила	527
<i>Глава 89.</i> Признаться, мне уже немало лет	533
<i>Глава 90.</i> Фортуна завершила круг — я пал	539
<i>Глава 91.</i> Услышать повесть твоей жизни	546

<i>Библиография . . . . .</i>	549
-------------------------------	-----

<i>Список иллюстраций Джона Гилберта к пьесам Уильяма Шекспира . . . . .</i>	559
--	-----

От автора

Некоторые вопросы терминологии заслуживают внимания. Самые ранние публикации пьес Шекспира выходили в кварто или в фолио. Кварто, что следует из названия, представляли собой книги небольшого размера, включавшие одну пьесу и выходившие, как правило, через несколько лет после первой постановки. Наиболее популярные пьесы печатались в кварто не один раз, тогда как другие могли вовсе не увидеть света. Именно таким образом при жизни автора было опубликовано около половины его пьес. Результаты были хорошие, нелепые или попросту никакие. Ученые-текстологи отделили «хорошие кварто» от «плохих кварто», хотя последние скорее стоило бы назвать «проблемными кварто», поскольку их статус и происхождение неясны. Фолио шекспировских пьес — издание совсем другого рода. Пьесы для фолио, после того как Шекспира не стало, в память о нем собрали двое его товарищей-актеров, Джон Хемингс и Генри Конделл. Первое фолио было опубликовано в 1623 году и в последующие три столетия оставалось единственной версией шекспировского канона.

Следует упомянуть и самые ранние биографические сведения о Шекспире. В различных опубликованных при его жизни источниках имеются упоминания и отсылки к документам, однако серьезные описания и оценки пьес в них отсутствуют. Попытка была предпринята Беном Джонсоном в его «Лесах для постройки, или Открытиях о людях и предметах» (1641), кое-какие сведения были собраны Джоном Обри, хотя и не опубликованы при его жизни. Первая подробная биография — «Жизнь Шекспира» — была написана Николаем Роу и вошла в «Произведения Шекспира», изданные Джейкобом

ШЕКСПИР

Тонсоном в 1709 году, за ней последовали разнообразные догадки антикваров и ученых восемнадцатого столетия, таких как Сэмюел Айрленд и Эдмунд Мэлоун. Мода на биографии Шекспира возникла во второй половине девятнадцатого столетия после публикации труда Эдварда Даудена «Шекспир: Критический очерк о его взглядах и искусстве» — первое издание вышло в 1875-м и по сию пору не утратило своего значения.

ЧАСТЬ I

Стратфорд-на-Эйвоне

ГЛАВА 1

В тот день звезда отплясывала в небе, Под нею мне родиться довелось¹

Принято считать, что Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года, в день святого Георгия. На самом деле это могло случиться и 21 или 22 апреля, но совпадение с праздником скорее пристало такому событию.

Явившееся в мир из материнской утробы с помощью повитухи, дитя шестнадцатого столетия искупали и туго запеленали в кусок мягкой материи. Затем ребенка снесли вниз показать отцу. После ритуала знакомства его водворили обратно во все еще теплую и темную родильную комнату, под бок к матери. Считалось, что мать «примет на себя все болезни младенца», прежде чем его положат в колыбель. Следовало также капнуть ребенку в рот немного масла и меда. В Уорикшире обычай предписывал давать сосунку растертые заячьи мозги.

В отличие от дня рождения день крестин известен точно: ребенка крестили в церкви Святой Троицы в Стратфорде в среду, 26 апреля 1564 года. Служитель, который вел записи в приходской книге, написав «Guilelmus filius Johannes Shakespeare»², сделал ошибку в латинском склонении: следовало писать: «Johannis»³.

Отец нес младенца Шекспира от дома на Хенли-стрит, где он родился, вниз по Хай-стрит и Черч-стрит до самой церкви. Матери

---

¹ «Много шума из ничего», акт II, сцена 1.

² Уильям, сын Джон, Шекспир.

³ Латинская форма родительного падежа.

при крещении никогда не присутствовали. Джона Шекспира и его новорожденного сына должны были сопроводить крестные родители, иначе — кумовья. В нашем случае крестным отцом стал Уильям Смит, галантерейщик и сосед по Хенли-стрит. Имя ребенку давалось перед начертанием на лбу креста и погружением в купель. У купели крестных родителей призвали проследить, чтобы Уильям Шекспир посещал богослужения и выучил «Символ веры» и «Отче наш» на «родном английском языке»⁴. После крещения младенцу повязывали голову белым льняным платком, который снимали, когда мать «очистится»⁵; платок назывался «крестильным», и его же использовали как саван, если ребенок умирал, не прожив месяца. При Елизавете реформированная англиканская церковь все еще не возражала против «апостольской ложки»⁶ или крестильной рубашки — подношений крестных родителей; в честь крещения съедали праздничный пирог. Как-никак отмечалось спасение бессмертной души Уильяма Шекспира.

Касательно земной его жизни такой определенности не было. В шестнадцатом веке смертность среди новорожденных была очень высока. Девять процентов младенцев умирали в первую неделю, следующие одиннадцать — не прожив и месяца. В десятилетие, когда родился Шекспир, в Стратфорде каждый год в среднем совершалось 62,8 крещений и 42,8 отпеваний. Шансы выжить имели дети из сравнительно зажиточных семей или крепкие от рождения; Шекспир, похоже, обладал обоими преимуществами.

Стоило преодолеть опасности детского возраста, как возникали дальнейшие трудности. Средняя продолжительность жизни взрослого мужчины составляла сорок семь лет. И поскольку родители Шекспира прожили, по меркам своего времени, долгую жизнь, он мог рассчитывать на большее. Но Шекспир только на шесть лет превысил средние показатели. Жизненные силы иссякли. Средний срок жизни человека

⁴ Англиканская церковь боролась за освобождение от латыни и переход богослужения на понятный всем английский язык. В 1559 г. была принята «Книга общей молитвы» с текстами молитв на английском языке, которые рекомендовались прихожанам.

⁵ Через шесть недель после родов мать должна была пройти обряд очищения, прежде чем ей разрешалось войти в церковь (традиция, восходящая к ветхозаветному времени).

⁶ На черенке такой маленькой ложки изображался один из двенадцати апостолов или, на ложке покрупнее, фигура самого Иисуса. Ложки вошли в обиход в XIV в. и были очень популярны в эпоху Шекспира.

ГЛАВА 1. В тот день звезда отплясывала в небе, под нею мне родиться довелось

в Лондоне в более богатых приходах исчислялся всего лишь тридцатью пятью годами и двадцатью пятью — в бедных; может быть, это город убил его? Такой разгул смерти влек за собой неизбежное следствие: половине населения не было и двадцати. Это была молодая культурная среда, по-юношески энергичная и честолюбивая. Сам Лондон был вечно молод.

Первую проверку на жизнеспособность Шекспир прошел, будучи всего трех месяцев от роду. В приходской книге от 11 июля 1564 года рядом с записью о похоронах молодого подмастерья-ткача с Хай-стрит — слова: «*Nie incipit pestis*» («И начинается чума»). За шесть месяцев умерли 237 человек, более десятой части жителей Стратфорда. Скончалось все семейство из четырех человек, жившее на той же стороне Хенли-стрит, что и Шекспиры. Но Шекспиры выжили. Возможно, мать с новорожденным укрылась в родительском доме в соседнем селении Уилмкот и там пережидала опасность. Зараза угрожала только тем, кто остался в городе.

Если не сам ребенок, то его родители наверняка трепетали от страха. Они уже потеряли двух дочерей, умерших в младенчестве, и сын-первенец был предметом неустанной и неусыпной заботы. Таким детям в будущем обычно присущи жизнерадостность и уверенность в собственных силах. Они чувствуют себя своего рода избранниками судьбы, защищенными от жизненных невзгод. Стоит отметить, что Шекспир ни разу не заразился чумой, которая часто свирепствовала в Лондоне. Можно предположить, что удачливость первенца связана с местами, где он родился.

ГЛАВА 2

В ней — суть моя⁷

Уорикшир часто называют древним краем; следы старины, безусловно, проглядывают в характере здешней местности и обнаженных ныне холмах. Его иногда называют «сердцем» или «пупом» Англии, и это подразумевает, что и сам Шекспир воплощает некую основную английскую идею. Он центр центра, ядро или источник истинно английской сущности.

Окрестности Стратфорда разделялись надвое. К северу лежал Арденский лес, остатки древнего леса, покрывавшего центральную часть страны, — эта область была известна как Уилден. При упоминании о лесе можно представить себе непроходимую чашу, но в шестнадцатом веке было иначе. В Арденском лесу находились овечьи фермы и усадебные участки, луга и пастбища, пустоши и лесные просеки. Дома не образовывали улицу, выстроившись удобно в ряд, а, по словам елизаветинского топографа Уильяма Харрисона, «стояли вразброс, каждый — посреди прилегающих земель». В те времена, когда по Ардену гулял Шекспир, сам лесной массив сильно поредел — людям была нужна древесина для строительства, а на новый дом уходило от шестидесяти до восьмидесяти деревьев. Леса вырубали также для добычи руды и сельскохозяйственных нужд. Джон Спид, исследуя эту область для своего «Атласа Великой Британской империи» 1611 года, отметил «обширное и существенное истребление лесов». Эти места никогда не были английским «лесным раем». Они подвергались постоянному разрушению.

---

⁷ «Два веронца», акт III, сцена 1.

И все же лес всегда был символом вольности и противостояния. В «Как вам это понравится» и «Сне в летнюю ночь», в «Цимбелине» и «Тите Андронике» он становится фольклорным образом, воплощением древней памяти. В архаическом Арденском лесу племена бриттов укрывались от римских захватчиков; само название «Арден» имеет кельтские корни и означает «лесистые долины». Кельты назвали Арденнами область, расположенную в северо-восточной Франции и Бельгии. В таких же лесах они укрывались от набегов саксонских племен. Легенды о Гае из Уорика, усвоенные Шекспиром в младенчестве, повествуют о лесном отшельничестве рыцаря. Его меч, побывавший в битве с завоевателями-датчанами, хранился в Уорикском замке.

Словом, Арден в той же степени служил для укрытия, что и для хозяйственных нужд; нарушители закона и бродяги могли заходить туда, ничего не опасаясь. И потому лесные жители вызывали некоторое неудовольствие обитателей открытых пространств. Лесной народ «был похотливым и беспутным», он «так же не имел понятия о Боге и цивилизованной жизни, как и самые дремучие дикари». Так в истории сопротивление захватчикам неотделимо от непокорности и варварства. История уходит корнями в глубь веков и неотделима от земли. В «Как вам это понравится» шут Оселок восклицает, войдя в лес: «Вот я и в Арденском лесу. И что-то не видно, чтобы я поумнел от этого. Напротив, даже как будто поглупел»⁸. Мать Шекспира звали Мэри Арден. Его будущая жена, Анна Хатауэй, жила на краю леса. Он хорошо представлял себе эту землю.

В другой стороне графства, к югу от Уилдена, лежала область под названием Филден. На карте Уорикшира, отпечатанной Сакстоном в 1576 году, почти нет деревьев, разве что в рощах и на перелесках. Все остальное — кустарники и пастбища да пахотные земли на холмах. Уильям Кемден в своей «Британии» описывает местность как «открытое пространство, где тут и там раскинулись отрадные для взора хлебные поля и зеленые луга». Джон Спид оглядывал окрестности с той же точки, что и Кемден, — с вершины Эджхилл — и упомянул «пастбища под зеленым покровом, густо разукрашенные цветами». Этот образ — квинтэссенция сельской Англии — такая же часть шекспировского видения мира, как и лес вдалеке. Предполагается, что Филден был богатой и протестантской частью графства, а Уил-

⁸ Акт II, сцена 4. Пер. В. Левика.

ден — бедной и католической. Это всего лишь поверхностное и к тому же предвзятое суждение, но в его контексте проще понять, на чем основано равновесие противоположностей, усвоенное Шекспиром на уровне подсознания.

В Стратфорде, защищенном горами Уэльса, климат был мягкий. Земля и воздух здесь пропитаны влагой, свидетельство чему — бежавшие по городу ручьи. Облака, тянувшиеся с юго-запада, назывались «гонцами Северна» и предвещали дождь. Только «жестокое дыхание севера», как говорит Имогена в «Цимбелине» могло «посбивать все бутоны со стеблей»⁹.

Но если смотреть шире, то какова связь ландшафта с Шекспиром и Шекспира с ландшафтом? Возможно, какой-нибудь будущий гений топографии проникнет в природу явления, которое стали называть «территориальным императивом»: когда атмосфера некоего места определяет и формирует характер того, кто там родился и вырос. Хотя в отношении Шекспира сразу напрашивается один вывод: из его творчества явственно следует, что он не мог ни родиться, ни вырасти в Лондоне. Ему чужды суровость и высокопарность Мильтона, родившегося на Бред-стрит; резкость Бена Джонсона, воспитанника Вестминстерской школы; острота Александра Поупа из Сити или одержимость Уильяма Блейка из Сохо. Он — деревенщина.

---

⁹ Акт I, сцена 3.

ГЛАВА 3

Художество ты любишь? Вот картина¹⁰

Дороги, пересекающие реку Эйвон, сходятся в Стратфорде; слово «афон» у кельтов означало реку. Люди селились в этих местах начиная с бронзового века. Там находились курганы и выложенные из камней круги, на которые никто сейчас не обращает внимания, или могильники, на которых собирались суды. У черты нынешнего города располагалось римско-британское поселение, что придает этому суровому месту основательность и значимость.

Название Стратфорд происходит от римского *stræt* (дорога), что означает мощеную дорогу через брод. В седьмом веке на берегах реки был основан монастырь; сначала он принадлежал Этеларду — англосаксонскому королю, но потом перешел во владение вустерского епископа Эгвина. Это произошло вскоре после обращения саксов в христианство; можно смело сказать, что Стратфорд с самых ранних времен имел отношение к древней религии. Церковь, в которой крестили Шекспира, была возведена на месте старого монастыря, а жилища монахов и тех, кто им прислуживал, находились в том месте, что сейчас называется Старым городом. В «Книге Судного дня» — кадастровой книге времен Вильгельма Завоевателя — указывается, что в 1085 году в этом месте была деревня, где рядом с церковнослужителями жили фермеры и батраки, а именно: священник, двадцать один батрак и семеро арендаторов.

---

¹⁰ «Укрощение строптивой», интродукция, сцена 2. Пер. М. Кузмина.

Процветание началось в тринадцатом столетии. С 1216 года стали устраивать трехдневную ярмарку и в дополнение к ней еще четыре ярмарки в разное время года, причем одна из них длилась пятнадцать дней. В отчете 1252 года упомянуты 240 участков земли, арендованных у владельца поместья, а также многочисленные мастерские, лавки и жилые помещения. Там трудились башмачники и мясники, кузнецы и плотники, красильщики и колесники, занимавшиеся торговлей, которую Шекспиру еще предстояло увидеть на улицах своего детства. Город ко времени появления Шекспира на свет оставался примерно таким же, каким был в Средневековье. Шекспир мог по одному только праву рождения чувствовать себя продолжением истории.

Свободная, заросшая колючим кустарником земля за пределами города считалась заброшенной, и ее обжили кролики. Деревья встречались здесь редко, участки не огораживались, и все вокруг было усыпано клевером, первоцветом и желтыми цветами горчицы. На этой же неогороженной территории были луга, пашни и пастбища, протянувшиеся до холмов. Словарный запас Шекспира, касающийся растительности этих мест, шире, чем у любого другого писателя: он различает болиголов и горчицвет, куколь и дымянку.

В Стратфорде была церковь, возведенная во имя Святой Троицы в начале тринадцатого века. Построенная за рекой из грубого местного камня и желтого, привезенного из кемденских каменоломен, она пребывала в совершенной гармонии с пейзажем, колокольня была деревянная, вокруг росли вязы, а к северному входу вела липовая аллея. Шекспир, должно быть, знал о древней усыпальнице в северной части алтаря, где покоились останки давно умерших; здесь же находилась комната священника и спальня мальчиков-певчих. Шекспир и его современники были на короткой ноге со смертью, но это не мешало Джульетте рыдать у склепа с «костями смердящими и грудой черепов»¹¹. Местная легенда гласит, что драматург имел в виду этот склеп, когда писал «Ромео и Джульетту»; возможно, так оно и есть. Его самого должны были похоронить в нескольких футах от склепа, в самой церкви, и его серьезное предупреждение тем, кто «потревожит мои кости»¹², до сих пор напоминает о себе. О том, что человек смер-

¹¹ «Ромео и Джульетта», акт IV, сцена 1. Пер. Д. Михаловского.

¹² Эпитафия на могиле Шекспира гласит: «Добрый друг, ради Иисуса берегись тревожить прах, погребенный здесь; благословен будь тот, кто пощадит эти камни, и проклят будет тот, кто потревожит мои кости». См. главу 90.

тен, напоминало и другое: в 1351 году в западной части церковного двора была воздвигнута часовня для священников, которые, сменяя друг друга, без перерыва совершали заупокойные службы.

Столь же древней была Гильдия Святого Креста, основанная в Стратфорде в начале тринадцатого века, — союз мирян, приверженных установлениям и обрядам своей веры. Члены этого содружества, платя ежегодные взносы, могли быть уверены, что будут похоронены должным образом. Но в то же время это была общинная организация со своими старостами и церковными сторожами, соблюдающая интересы города и следящая за сбором церковных пожертвований.

Самым знакомым для Шекспира зданием в Стратфорде была именно часовня этой гильдии; она стояла как раз позади школы, где он учился, и каждый день учащиеся ходили туда на утренний молебен. Тогда там звонили колокола. Маленький колокол призывал мальчика утром в школу; в большой били на рассвете и в сумерках, и был там «угрюмый, мрачный колокол» сонета¹³, сопровождавший смерть и похороны. Этот колокол звонил и по Шекспиру, когда его опускали в стратфордскую землю.

---

¹³ Сонет 71.

ГЛАВА 4

Ведь для меня, где ты — там целый мир¹⁴

Шекспир родился через пять лет после коронации Елизаветы I, и большая часть его жизни пришлось на время ее своевластного и в то же время полного ограничений и неуверенности правления. Ее главной заботой было упрочить престиж страны (и собственное положение), и все силы своей властной и неординарной натуры она направляла на то, чтобы избежать гражданских волнений и внешних конфликтов. Больше всего Елизавета страшилась беспорядков и начинала военные действия только в крайнем случае. К тому же государство во главе с незамужней королевой было по сути своей нестабильно, в особенности когда она придумала сталкивать лбами своих фаворитов. Однако Елизавете удалось расстроить или предотвратить ряд заговоров, ставивших целью свергнуть ее с трона. Ее нетерпение, а зачастую нерешительность расширили горизонты страны. То была эпоха открытий, торговли, устроенной по-новому, и литературы. Теперь ее называют «эпохой Шекспира». Однако нет оснований полагать, что самому Шекспиру его время было так уж по душе. Мы знаем, что детство его прошло в совсем другом мире.

Стратфорд расположен на северном берегу Эйвона. Река была самой приметной деталью в пейзаже, включавшем в себя деревья, фруктовые сады и огороды. Когда случались паводки — зимой ли, летом ли, — шум воды доносился до каждой улицы. Леланд пишет, что люди, пытавшиеся

---

¹⁴ «Генрих VI», часть вторая, акт III, сцена 2. Пер. Е. Бируковой.

пересечь Эйвон в момент паводка, «рисковали жизнью». Например, летом 1588 года Эйвон в течение восьми часов поднимался на три фута в час. На деньги видного местного дворянина, сэра Хью Клоптона, построили каменный мост, который дожил до наших дней. Но половодье увековечено и иным способом. Ни один из елизаветинских драматургов не упоминал реку столь часто, как это делал Шекспир; и в двадцати шести случаях из пятидесяти девяти упоминается река, вышедшая из берегов. Река была частью его воображения. В «Обесчещенной Лукреции» есть необычный образ водяного вихря, уносимого течением в том же направлении, откуда его принесло; это феноменальное явление можно увидеть, стоя у восемнадцатой арки каменного моста в Стратфорде. Огороженный стенами мост спускался к Бридж-стрит, которая пересекала центр города. Вместе с другими шестью или семью улицами она образовывала район, состоявший из 217 домов, где обитало две сотни семей; население Стратфорда в конце шестнадцатого века насчитывало около девятнадцати сотен жителей. Улицы сохраняли свой средневековый облик, который и поныне заметен на Шип-стрит, Вуд-стрит, Милл-Лейн¹⁵ и Ротер-стрит¹⁶. Однако, судя по способу постройки, дома были сравнительно новые: большинство возведено в пятнадцатом веке. Материалом служили дубы, сваленные в соседнем лесу, строили испытанным способом: плотно пригнанные доски обмазывались глиной. Фундамент делался из древнего известняка, добытого в соседнем Уилмкоте, родных местах Мэри Арден, крыши крыли соломой. Окна не стеклили, но защищали толстыми деревянными брусками. Такое жильё было «местным» до последней деревяшки.

Воды в городе хватало: ручьи и ручейки бежали вдоль улиц, образуя колодцы, пруды, лужи и сточные канавы. Через два дома от Шекспиров стояла кузница; воду для нее брали из ручья, прозванного Болотом. Шекспира всю жизнь сопровождал звук текущей воды. На достаточно широких улицах Стратфорда вполне могли разъехаться две телеги, но это не мешало грязи, отбросам и канавам с нечистотами заполнять основную их часть. Улицы по краям были вымощены досками или булыжником, но что угодно могло проплыть посередине. Кроме того, на них наступали неосвоенные пространства с беспорядочно проложенными временными дорогами.

¹⁵ Название восходит к слову «rother» — скот на продажу.

¹⁶ Овечья улица, Лесная улица, Мельничная аллея.

Свиньям, гусям и уткам не полагалось свободно разгуливать по городу, но об их присутствии свидетельствовали многочисленные загоны на каждой улице. «Добрых», как тогда выражались, домов было много, но были и лачуги бедноты, и крытые соломой амбары, и развалюхи. В городе имелись указывавшие истинный путь человечеству кресты из камня, позорный столб, колодки и место для порки тех, кто шел наперекор городской власти (в городское правление входил и отец Шекспира). Была здесь и тюрьма, и конструкция, получившая название «Клетка», а также позорный стул¹⁷. Все это мало напоминало «тюдоровскую идиллию». От гравюр с изображением Стратфорда — его мельниц, креста на базарной площади, церкви и часовни — веет тишиной и покоем. На нас смотрит мир, населенный простыми тружениками и торговцами в живописных костюмах. На первых фотографиях город тоже выглядит сверхъестественно пустым и тихим, людей на широких улицах почти не заметно. Они не отражают ту напряженную и суетливую жизнь, какая в действительности окружала Шекспира.

За каждой отраслью закреплялось свое место. Свиньи продавались на Свайн-стрит, лошади — на Черч-уэй; торговцы шкурами раскидывали товар на перекрестке у Ротер-маркет, тогда как солью и сахаром торговали на Корн-стрит. Скобяные и веревочные изделия можно было найти на Бридж-стрит, а мясники занимали верхнюю часть Мидл-роу. Существовали отдельные рынки для продажи пшеницы, скота, тканей. Когда Шекспир в зрелые годы вернулся в Стратфорд, прямо возле дверей его дома располагался сырно-масляный рынок.

К четырем часам утра город пробуждался, к пяти улицы наполнялись людьми. Торговцы и работники завтракали в восемь и обедали в полдень; работу заканчивали в семь часов вечера, после четырнадцатичасового трудового дня. Закон о ремесленниках, принятый в 1563 году, разрешал, однако, один час послеобеденного сна. Выходных не было, за исключением праздников.

Многие стратфордские ремесла существовали веками. Судя по списку занятий 1570–1630 годов, в городе было двадцать три мясника, двадцать ткачей, шестнадцать башмачников, пятнадцать пекарей и пятнадцать плотников. Это были «основные» профессии; городские

¹⁷ Стул укрепляли на подвижном бревне и, привязав к нему наказуемого, опускали в воду.

жители (к примеру, отец Шекспира) могли входить в самые разные цехи. По основному роду занятий Джон Шекспир был перчаточником, одним из двадцати трех в городе; но зарабатывал он на жизнь еще и торговлей шерстью, и ростовщичеством, и изготовлением солода. В Стратфорде традиционно варили пиво и продавали эль; этим занимались не менее шестидесяти семи хозяйств.

И все же все городские ремесла, как и экономика города в целом, подчинялись более важному ритму сельскохозяйственного года: в феврале пахота и сев, в марте прополка, в июне сенокос, в августе сбор урожая, в сентябре молотба и в ноябре забой свиней. И еще лошади, овцы, свиньи, рогатый скот, пчелы. Пашни и непахотные земли, луга и пастбища. «Да, вот еще, сэр, чем же мы засеем ту большую пашню — пшеницей?» — спрашивает слуга у судьи Шеллоу во второй части «Короля Генриха IV». — «Да, красной пшеницей, Деви»¹⁸. Шекспир, безусловно, понимал язык земледелия.

В 1549 году Стратфорд, входивший до того во владения епископа Вустерского, перешел к Джону Дадли, графу Уорику; в этом смысле город был секуляризован. В 1553 году Стратфорду была пожалована грамота, по которой прежние члены Гильдии Святого Креста становились олдерменами; их оказалось четырнадцать; из них следовало выбрать бейлифа, или мэра. Олдермены выбирали еще четырнадцать человек, и вместе они составляли городской совет.

Члены совета встречались в старой ратуше возле часовни. В их обязанности входило наблюдать за мостом, школой и самой часовней; доходы от собственности, ранее принадлежавшей гильдии, шли теперь на содержание городского совета. Хотя многие сожалели о конце церковной власти, это знаменовало начало самоуправления. Бейлиф и избранный олдермен стали мировыми судьями, заменив судей церковных. Эти самые уважаемые горожане назначали двух казначеев и четырех констеблей. Таким был мир, где отец Шекспира вполне для своего времени преуспевал; и это не могло не отразиться на детстве сына.

Стратфордский позорный столб, не говоря о тюрьме и позорном стуле, дает основание предположить, что и сам образ жизни в городе находился под тщательным контролем. Вошло в обычай изображать Англию времен Елизаветы I «полицейским государством», но такой

¹⁸ Акт V, сцена 1. Пер. Е. Бируковой.

подход устарел. Однако это был мир строгой и почти патриархальной дисциплины. Иными словами, управляли им все еще по средневековым канонам. Остро ощущалась разница между слоями общества; в силе был тот, кто владел землей. Таких принципов неуклонно придерживался и сам Шекспир. Это был мир привилегий и покровительства, привычных предписаний и местного правосудия. Каждого, кто отзывался неуважительно о городском чиновнике или не повиновался распоряжениям властей, препровождали в камеру на три дня и три ночи. Никто не мог приютить чужеземца без разрешения мэра. Слугам и подмастерьям не позволялось выходить из дому после девяти вечера. Игра в шары разрешалась в строго определенные часы. Обязательно посещать церковь не реже чем раз в месяц, по воскресеньям полагалось ходить в шерстяной шапке. У жителей Стратфорда не было тайн — это было открытое общество, в котором каждый знал о делах других, семейные или супружеские проблемы становились немедленным достоянием всей округи. Не было никаких признаков «частной» жизни, в том смысле, в каком ее понимают сейчас. Не случайно среди достижений Шекспира критики отмечают то, что в его пьесах впервые вводится понятие индивидуальности. Ему остро не хватало этого в родном городе.

Считается, что природа и атмосфера города за время жизни Шекспира не претерпела изменений и оставалась прежней до середины девятнадцатого века, но это неверно. Новые сельскохозяйственные методы привнесли свои проблемы; огораживание общинных земель и бурное развитие овцеводства вытеснили многих крестьян с их наделов. На городских улицах появлялось все больше бродяг и батраков, оставшихся без дела. В 1601 году надзиратели Стратфорда отметили семь сотен бедняков, и большей частью это были работники, пришедшие из окрестных деревень. Миграция бедноты также увеличивала подспудное социальное напряжение. Между 1590 и 1620 годами резко возросло число «серьезных преступлений», разбиравшихся в суде графства.

Наличие безземельных и безработных людей обострило проблему, которая в то время казалась неразрешимой. Как спасти бедняка от еще большей нужды? Это был период повышения цен. Сахар стоил 1 шиллинг и 4 пенса за фунт в 1586 году, 2 шиллинга и 2 пенса в 1612-м. Ячмень продавался по 13 шиллингов и 3 пенса за четверть в 1574-м, а к середине 1590-х годов цена на него поднялась до 1 фунта 6 шиллингов и 8 пенсов.

В связи с ростом населения снизилась оплата труда наемных работников. Каменщикам платили 1 шиллинг и 1 пенс в день в 1570 году, а тридцатью годами позже, когда цены резко повысились, они зарабатывали всего 1 шиллинг. Положение усугубилось после четырех неурожайных лет, начиная с 1594-го; во второй половине 1596 года и в первые месяцы 1597-го в Стратфорде часто случались смерти от недоедания. Это было голодное время. «Хлебные бунты» горожан в «Кориолане» не были плодом воображения.

Хотя дохода бедняков едва хватало на жизнь, йомены и земле-владельцы неуклонно богатели. Рост населения и особенно спроса на шерсть способствовал размаху продажи земли. Это был легкий способ обогащения, который пришелся по душе и самому Шекспиру. Фактически экономические сдвиги, столь невыгодные для бедняков, сулили ему большую прибыль. Он не испытывал никаких угрызений совести по этому поводу и устраивал свои финансовые дела с той же хваткой, с какой начал театральную карьеру. Но он понимал, что происходит.

Так или иначе, характер новой светской экономики делался все заметнее, и много исследований посвящено тому, как отражен у Шекспира переход от Средневековья к началу современного исторического периода. Что случается, когда старые устои веры и власти под запретом, разорваны связи и не выполняются обязательства? Так Лира сменяют Гонерилья и Регана, а Дункана — Макбет. Все резко обозначилось и несоответствие между обычаями — утонченными культурными и народными; Шекспир был, возможно, последним английским драматургом, в чьем творчестве сочетались две культуры.

ГЛАВА 5

Отвечай: кто тебя родил?¹⁹

Речь идет о старой культуре и новой, претерпевшей преобразования. У истоков английской Реформации стояли злоба и алчность. Уродливая почва дала уродливые всходы. Компромисс был достигнут только благодаря осторожному и прагматичному правлению Елизаветы I.

Разгневавшись на папу римского, Генрих VIII объявил себя главой англиканской церкви и приговорил к смерти некоторых священников, осмелившихся отрицать его верховную власть. Самые ярые советники Генриха, движимые перспективой обогащения столь же, сколь и религиозным рвением, закрыли монастыри и конфисковали монастырские земли. Это был мощнейший удар по средневековому наследию Англии. Более положительные результаты принесло распространение по инициативе короля английской Библии в приходах.

Эдуард VI после смерти отца еще более страстно жаждал истребить католицизм. Он, как молодой Иосия²⁰, был готов свергать идолов. В особенности он был полон решимости изменить молитвенные книги и ход литургии, но ранняя смерть помешала ему осуществить задуманное. Его реформы были обращены вспять во время столь же короткого правления Марии I, оставившем английский народ в сомнениях относительно природы и дальнейшего пути развития национальной религии. Елизавете, преемнице Марии, удалось найти промежуточный путь. Казалось, она собирается умиротворить всех, кого только

---

¹⁹ «Два веронца», акт III, сцена 1. Пер. В. Левика.

²⁰ Царь Иудеи (VII в. до н. э.), ликвидировал в Иудее языческие культы и осуществил религиозную реформу, о чем говорится в 4-й Книге Царств.

возможно. Ее церковная политика была направлена на смягчение противоречий между католицизмом и протестантизмом.

Она предписала проводить церковные службы на английском языке, но разрешила употребление таких папистских символов, как распятие и подсвечники. «Актом о супрематии» она упрочила свое положение в качестве главы англиканской церкви и «Актом о единообразии» ввела «Книгу общей молитвы» в каждой церкви. Это была довольно шаткая конструкция, скрепленная компромиссами и специальными постановлениями, но она держалась. Елизавета могла недооценивать силу пуританского раскола, равно как и оставшуюся приверженность католицизму самого народа, но ее главенство в церковных делах никогда серьезно не оспаривалось.

Впрочем, мягкость ее подхода не распространялась на упорствующих подданных. Так называемые «отказчики» — те, кто отказывался посещать службы англиканской церкви, — подвергались штрафам, арестам и тюремному заключению. Их считали изменившими королеве и государству. Католических священников и миссионеров подвергали пыткам и убивали. Представители власти периодически наносили заранее объявленные «визиты» в города, где, по слухам, сохранялись очаги старой веры, а епископы регулярно инспектировали свои епархии, выискивая проявления отступничества. Быть католиком или даже попасть под подозрение в приверженности католицизму было опасно.

Все эти противоречия и перемены отражались и на жизни Джона Шекспира. Отца драматурга позднее вспоминали как «веселого круглолицего старика», говорившего, что Уилл «был славный малый, но подшучивал над ним, когда ему вздумается». Эту характеристику, впервые опубликованную в середине семнадцатого века и опирающуюся на сомнительный источник, не следует принимать чересчур всерьез. Возможно, она слишком близка к образу Фальстафа, хотя мы можем допустить, что круглощекий пьяница-весельчак из исторических пьес имеет мимолетное сходство с кем-то из близких автора. То, что мы знаем об отце Шекспира и его предках, более достоверно прослеживается по сводам документов.

Родословная Шекспиров уходит далеко в прошлое. Фамилия самого Шекспира насчитывает более восьмидесяти вариантов написаний — в том числе Сакспер, Шакоспер, Шакспер, Шафтспер, Шакстаф, Чакспер, Шаспиир — и, возможно, лишний раз подтверждает данную ему природой многогранность. Такое множество вариантов предполагает

универсальность и плодовитость. В одних только стратфордских документах находим около двадцати различных написаний.

Вполне вероятно, что фамилия имела нормандское происхождение. В нормандских реестрах, датированных 1195 годом, встречается «Уильям Сакииспия»; нормандский рыцарский роман «Кастелан из Кузи» конца тринадцатого века написан «Жакмесом Сакесепом». Верно также и то, что английские Шекспиры предпочитали те имена, которые были характерны для норманнов. Само звучание фамилии наводило на какие-то воинственные ассоциации, и при жизни Шекспира находились люди, на которых производило впечатление боевое звучание его имени. Некий текст начала шестнадцатого века предполагает, что оно было дано его первым носителям «за мужество... и готовность к ратным подвигам». Вероятно, поэтому Шекспир-отец в прошении о гербе утверждал, что его деда Генрих VII наградил за «верную и доблестную службу».

Слово «шекспир» использовали для обозначения «драчунов или, возможно, как непристойное обозначение эксгибициониста». Поэтому оно иногда рассматривалось как «низкое» имя. В 1487 году Хьюго Шекспир пожелал сменить фамилию, потому что у нее «дурная слава». Похожий шум поднялся позднее вокруг фамилии Диккенс (Dickens)²¹.

Первое упоминание имени Уильям Сакспеер встречается в английских реестрах в 1248 году; носитель его пришел из деревни Клоптон, что в нескольких милях от Стратфорда. С тринадцатого века имя часто встречается в записях графства Уорикшир. Этим объясняется «укорененность» самого Шекспира в английской культуре. Томас Шакспер жил в Ковентри в 1359 году. Уильям Шакспер обитал в южной части Болсолла в 1385 году. Адам Шакспер входил в число жителей поместья Бадсли-Клинтон в 1389-м. Религиозная община в Ноуле числила в своем составе в 1457 году Ричарда и Алису Шакспер, к ним присоединился в 1464 году Рейф Шейкспейр. Томас и Алиса Шейкспер из Болсолла вступили в ту же общину в 1456 году.

Встречается множество других Шекспиров в более поздних записях в Болсолле, Бадсли, Ноуле, Роксолле и окрестных поселениях; имена и даты свидетельствуют о существовании в нескольких милях друг от друга семей одного обширного рода, связанных кровным род-

²¹ *Dick* на вульгарном английском обозначает пенис.

ством и брачными узами. Многие из них, будучи членами ноулской общины, несли определенные светские и церковные обязанности и, следовательно, могли считаться добропорядочными католиками. В женском монастыре в Роксолле в первые годы шестнадцатого века настоятельницей была Изабелла Шекспир; в 1526 году эта должность, по устоявшемуся средневековому обычаю, перешла к Джейн Шекспир. Предки Шекспира являются продолжателями этой ветви семьи по прямой линии.

Его дед Ричард Шекспир возделывал землю в Сниттерфилде, деревне в четырех милях к северу от Стратфорда. Он был сыном то ли Джона Шейкшафта из Балсолла, то ли Адама Шакспера из Бодсли-Клинтона; и кто бы ни был его отец, фамильные корни очевидны. Зажиточный фермер, владевший двумя наделами земли, он был именно из тех, кого называли «землепашцами». Сам по себе Сниттерфилд представлял собой беспорядочно разбросанный в окрестностях приход, с церковью и поместьем, старыми фермерскими домами и коттеджами. Ландшафт состоял из леса и пастбищ, лугов и вересковых пустошей. Таков был пейзаж, на фоне которого Шекспир провел часть своего детства.

Фамильные связи простирались дальше. Ричард Шекспир арендовал дом и землю у Роберта Ардена, отца Мэри Арден, на которой позже женился Джон Шекспир. Значит, отец и мать драматурга были знакомы с раннего возраста и, несомненно, встречались на Хай-стрит у Ричарда Шекспира, в старом доме с участком, спускавшимся к ручью. Там была столовая и несколько спален; по стандартам того времени — жилище внушительное. Джон Шекспир вырос в сельской среде, среди фермеров. Он родился в 1529 году, и начиная с того же года упоминается в документах Сниттерфилда его отец; представляется вероятным, что Ричард Шекспир переселился в этот район с молодой женой в ожидании увеличения семейства.

Ричард Шекспир оставил по завещанию сумму 38 фунтов 17 шиллингов 0 пенсов, что для его положения и возраста считалось скромным достатком. Время от времени он платил штрафы за неявку в суд поместья и за то, что плохо смотрел за скотиной и держал в ярме свинью, но в маленьком сообществе Сниттерфилда он имел известный вес. Его друг по Стратфорду Томас Этвуд завещал ему несколько быков. Он заседал в суде присяжных и, по-видимому, участвовал в деятельности церковной общины в Ноуле. Он был в некотором смысле

воплощением семейных свойств Шекспиров — солидности, зажиточности и порой опрометчивости. Иногда думают, что Шекспир вышел из среды безграмотного крестьянства, но это, безусловно, не так.

Его отец Джон Шекспир преуспевал с юных лет. Хотя Шексперы обосновались в Стратфорде, он был уроженцем Сниттерфилда. Его младший брат Генри так и остался сниттерфилдским фермером, но Джон не захотел ограничиваться семейным делом. Он стремился испробовать и другие виды деятельности. Как и полагалось старшим сыновьям, он пробивал дорогу к чему-то большему в этом мире. Его собственный сын последует отцовскому примеру. Джон Шекспир оставил ферму, чтобы поступить в подмастерья к перчаточнику в Стратфорде. Самой достойной кандидатурой в учителя оказался Томас Диксон, не только перчаточник, но и по совместительству хозяин гостиницы «Лебедь» в начале Бридж-стрит. Жена его была родом из Сниттерфилда.

Обучение Джона Шекспира продолжалось семь лет, и в 1556 году он уже значится в стратфордских реестрах как «перчаточных дел мастер». В то время ему двадцать семь, и он уже несколько лет занимается этим ремеслом. В позднейших документах он зовется кожевником, то есть мастером изделий из сыромятной или недубленной кожи. Он вымачивал и скоблил лошадиные и оленьи шкуры, шкуры овец и собак, а после смягчал их с помощью соли и квасцов; перед тем как разложить шкуры в саду сушиться, их следовало выдержать в горшках с мочой или экскрементами. Это была грязная и вонючая работа. В пьесах Шекспира отчетливо прослеживается отвращение к неприятным запахам. Ставшие мягкими и эластичными шкуры с помощью ножа и ножниц раскраивали на нужные куски, которым предстояло стать перчатками, кошельками, ремнями и сумками. Изделия развешивали после у окна, чтобы привлечь покупателей. Шекспир часто упоминает кожевное производство в своих пьесах. Ему известны самые разные сорта кож, от собачьих до оленьих, и в пьесах можно найти все кожаные изделия, какими торговал его отец: от туфель из тонкой кожи до уздечек из овечьей и сумок из свиной, какие носили жестянщики. «Ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?» — отвечая на этот вопрос Гамлета, Горацио проявляет еще большую осведомленность: «Да, мой принц, и из телячьей также»²². Перчатки, особенно сделанные

²² Акт V, сцена 1. Пер. М. Лозинского.

из кожи козлят, Шекспир хвалит за мягкость; в «Генрихе VIII» говорится о мягкой «замшевой совести», которая способна «растягиваться»²³, а в «Ромео и Джульетте» Меркуцио так обращается к Ромео: «Твое остроумие растягивается, точно лайка; из одного дюйма можно его расширить до локтя»²⁴.

Перчатки у Шекспира упоминаются постоянно, лежат ли они в шляпе или брошены на землю в знак вызова. В «Виндзорских насмешницах» миссис Куикли говорит о «бороде широкой и округлой, как нож у перчаточника»²⁵. Автор тут обнаруживает близкое знакомство с предметом.

На первом этаже дома Джона Шекспира располагалась выходившая на Хенли-стрит мастерская с пристройками на заднем дворе для растягивания и сушки кож. В помощники нанимались один-два подмастерья, «строчильщики». На вывеске красовался циркуль перчаточника — инструмент, которым кроили перчатки. В базарный день Джон раскладывал товар также у Хай-Кросс; самые дешевые перчатки шли по 4 пенса за пару, перчатки вышитые или на подкладке были, конечно, дороже. Было бы любопытно взглянуть на его старшего сына, зазывающего по четвергам спозаранку покупателей на рынок, но в большинстве случаев он по утрам находился в школе. Все же в любом семейном деле так или иначе принимал участие каждый. Джон Шекспир входил в гильдию перчаточников. Перчаточное дело в Стратфорде развивалось быстро и успешно. Между 1570 и 1630 годами там насчитывалось порядка двадцати трех перчаточников. Но у Джона были и другие занятия. Он по-прежнему оставался фермером-йоменом и вместе с отцом и младшим братом обрабатывал землю в соседней деревне Ингон. Там же он разводил и забивал животных, шкуры которых после превращались в кожу для перчаток; отсюда и пошли более поздние стратфордские записи о том, что отец Шекспира был мясником и что юный Шекспир стал подмастерьем у мясника. Все местные легенды хоть и немного, но все же основываются на реальности. Мясники и скотобойни и в самом деле попадают в шекспировских драмах, и часто это связано с описанием отношений между отцами и сыновьями. Шекспиру известно, какой разной бывает кровь

²³ Акт II, сцена 3. Пер. Б. Томашевского.

²⁴ Акт II, сцена 4. Пер. Д. Михаловского.

²⁵ Акт I, сцена 4. Пер. С. Маршака и М. Морозова.

и по цвету, и по вязкости, равно как ему известен «тошнотный запах бойни»²⁶. И это наводит на размышления.

Джон Шекспир, числящийся в официальных бумагах как «землепашец», имел дело также с ячменем и шерстью и торговал древесиной. Было вполне естественно, когда человек умел многое и занимался разными вещами. Есть достаточно свидетельств того, что он имел отношение к продаже шерсти. Как многие другие перчаточники, Джон нуждался в овечьих шкурах, а овечью шерсть сбывал с рук. Часть дома на Хенли-стрит была отдана под мастерскую по производству шерсти; когда очередной жилец «перестилал полы в гостиной, под старым полом обнаружили клочья шерсти, перемешанные с землей». Джон Шекспир продавал 28-фунтовые мешки с шерстью торговцам тканями и портным в окрестных городах. Молодой пастух в «Зимней сказке» подсчитывает: «Дайте-ка сообразить: с каждых одиннадцати голов — двадцать восемь фунтов шерсти; за каждые двадцать восемь фунтов шерсти — фунт стерлингов и несколько шиллингов. Острижено полторы тысячи голов; сколько же это будет шерсти?»²⁷

Но, подобно другим перчаточникам, Джон Шекспир участвует и в незаконных сделках; в суде ему предъявляют обвинение в том, что он дважды купил шерсть по 14 шиллингов за мешок. Такой поступок сочли незаконным, поскольку Джон не состоял в гильдии торговцев шерстью. Но важнее здесь то, что он выложил 140 фунтов штрафа за одно дело и 70 — за второе. Это говорит о том, что Джон Шекспир был богат.

Поэтому мог позволить себе сделки с недвижимостью. Он купил дом на Гринхилл-стрит, неподалеку от Хенли-стрит, и сдал его. За 40 фунтов купил еще два дома с прилегающими участками и садами. Еще один дом сдавался Уильяму Бербеджу, который мог иметь отношение к лондонскому театральному семейству. Но мог и не иметь — повседневная жизнь полна совпадений.

Джон также ссужал соседям деньги под непомерные проценты — занятие, печально известное как «ростовщичество». По закону принято было брать десять процентов, но Джон Шекспир, одолжив торговому партнеру 100 фунтов, взимал с него долг с двадцатью и следующему давал 80 фунтов на тех же условиях. Он увеличивал проценты, потому

²⁶ «Король Иоанн», акт IV, сцена 3. Пер. Н. Рыковой.

²⁷ Акт IV, сцена 3. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.